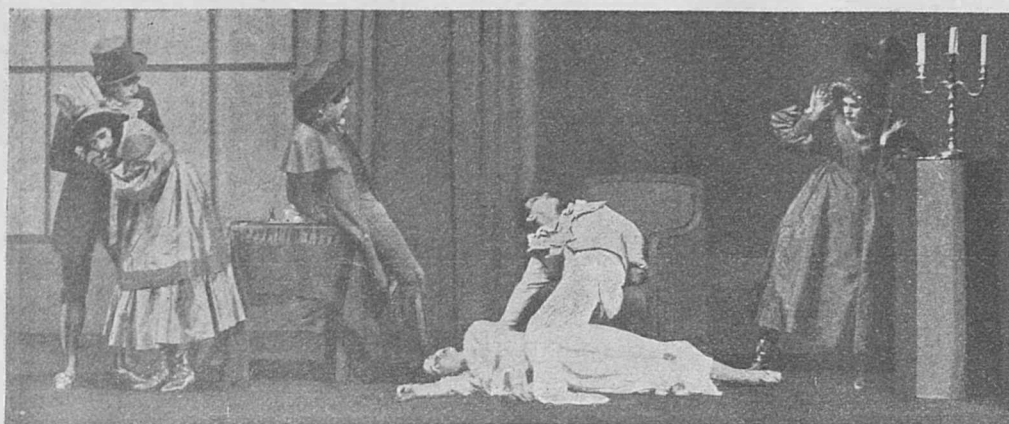

Свободный театр. „Покрывало Пьеретты“. Фот. Фишеръ.

Постановка А. Я. Таирова.

Финальная сцена.

достигнуть. Музыка Донаньи превосходна, потому что она всегда мѣтко достигаетъ цѣли, и даетъ сильные эффекты, не обременяя въ то же время вниманія.

По постановкѣ лучше всего 2-ая картина; здѣсь есть своеобразная жизнь, острая выразительность въ группировкахъ. Эффектно мелькаютъ костюмы на удачно найденномъ фонѣ стараго серебра, въ которомъ выдержанъ залъ. Правда, слишкомъ пестро и суетливо, но при небольшой продолжительности картинъ это, пожалуй, не особенно существенно.

Большая ошибка театра въ томъ, что небольшой пантомимой захотѣли заполнить цѣлый вечеръ. Поэтому сначала исполняютъ симфоническую поэму Штрауса „Смерть и просвѣтленіе“, которая навѣваетъ скуку, затѣмъ слѣдуетъ прологъ, инсценированный въ духѣ недавнихъ „вечеровъ настроенія“, и состоящій изъ красивыхъ стиховъ г. Балтрушайтиса, которые, къ сожалѣнію, очень некрасиво читаются. Но, претерпѣвъ это, а также нѣсколько вяло исполняемую первую картину пантомимы, зритель въ дальнѣйшемъ, безъ сомнѣнія, получитъ большое удовольствіе.

М. Юрьевъ.

II.

Въ этомъ спектаклѣ, безусловно, крайне интересно, и въ очень многихъ отношеніяхъ, пріятно, режиссеромъ допущена основная ошибка. Къ балету-пантомимѣ, съ музыкой рассчитанной на строго-опредѣленные дѣйствія и жесты, онъ подошелъ какъ къ болѣе модернизированной формѣ „безсловесной“ драмы, къ тому что принято теперь называть „мимодрамой“. Въ послѣдней допускается болѣе или менѣе полная свобода трактованія или „иллюстраціи“ музыки, „условный“ языкъ жеста можетъ быть легко замѣненъ „естественнымъ“, обыденными жестами и движеніями, однимъ словомъ возможна „импровизація“ режиссера, что совершенно немыслимо въ пантомимѣ, гдѣ каждой музыкальной фразѣ, или такту соответствуетъ вполне точно опредѣленная мимическая фраза или жестъ. Благодаря этому въ московской постановкѣ „Покрывала Пьеретты“ музыка силовѣ и рядомъ не „заполнялась“, получались не предусмотрѣнные и музыкой не обоснованные, — хотя быть можетъ и логическіе — паузы.

Кромѣ того, отброшена закрѣпленная традиціями многихъ столѣтій, „условность“ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ пантомимы, — Пьеро, Пьеретты (Коломбины) и Арлекина. Въ стремленіи ихъ „ореализовать“, придать имъ „обыденность“ (что исходитъ изъ приданной имъ внѣшности, изъ костюма и „повседневности“ ихъ движеній, жестовъ и мимики) — мнѣ кажется и лежитъ главный художественный недостатокъ спектакля.

Единственный, сохранившій, хотя бы въ своемъ внѣшнемъ обликѣ и въ нѣкоторыхъ позахъ эту условность „характера“, былъ исполнитель Пьеро г. Кречетовъ. Это, правда, еще очень молодой и очень неопытный мимъ маломузыкальный, но тѣ немногіе „подлинные“ моменты, которые онъ далъ — были наилучшіе, наиболее близкіе къ замыслу авторовъ либретто и музыки, во всемъ спектаклѣ.

Г-жа Кооненъ (Пьеретта) лучше всего удалась мѣста сильно драматическія, т.-е. то, что легче всего удастся всякому миму, по условіямъ своего искусства, имѣющій въ своемъ распоряженіи крайне скудные средства экспрессіи. Во всякой безсловесной драмѣ труднѣе всего для передачи „спокойный разсказъ“ и легче всего — изображеніе примитивныхъ переживаній и чувство, какъ напр. любовь, отчаяніе, радость, гнѣвъ, ненависть и т. д. Г-жа Кооненъ очень правдиво, и быть можетъ даже чрезмерно реально для пантомимы, „пере-

живала“ свои чувства, но, къ сожалѣнію, переживала только лицомъ, и даже едѣсь допустила совершенно непозволительный пріемъ въ мимической драмѣ — симуляцію ртомъ крика и словъ (особенно съ третьимъ актѣ). Г-жа Кооненъ временами произвола впечатлѣніе отнѣмѣнаго человѣка стремящагося что-то сказать обычнымъ разговорнымъ языкомъ, но не могущаго произнести слова въ силу исключительно физическаго недостатка. Мимъ никогда и ни подѣ какимъ видомъ не долженъ напоминать нѣмого: мимъ, это актеръ, изъясняющійся особымъ, вполне опредѣленнымъ языкомъ, ничего общаго не имѣющимъ съ разговорной рѣчью — языкомъ жеста. Въ довершеніе всего, г-жа Кооненъ очень не музыкальна, малоритмична, совершенно не владѣетъ языкомъ своихъ рукъ и тѣла. Метаніе и бѣготня по сценѣ — мало того, что крайне невыразительный пріемъ, но еще и очень неэстетичный.

Лучше всѣхъ въ отношеніи музыкальности и ритмичности былъ исполнитель роли Арлекина г. Чабровъ. у него одного жесты, движенія и мимика совпадали съ музыкой, правильно задуманъ и выполненъ былъ у него музыкальный рисунокъ роли. По все же это былъ не Арлекинъ.

Очень хорошо поставленъ второй актъ. Красивы декорация и костюмы, живописны и выразительны были группы. Къ сожалѣнію, танцамъ удѣлено въ „Покрывалѣ Пьеретты“ очень мало мѣста; изъ нихъ лучше всего поставлены — менуэтъ во второй картинѣ и заключающая ее жуткая „Schnell-polka“.

Но, повторяю, не смотря на всѣ недочеты, спектакль безусловно интересенъ, и надо надѣяться, что руководители „Свободнаго театра“ на этомъ первомъ опытѣ постановки безсловесной драмы не остановятся, а дадутъ намъ еще нѣсколько пантомимъ и мимодрамъ. Для этого у нихъ есть и средства, и вкусъ, и фантазія, а исполнители со временемъ найдутся.

Пиладь.

Свободный театр. „Покрывало Пьеретты“.

Анетта — Жура Аппинъ.

Рис. Челм.

Плевицкая.

Эскиз Вл. Кузнецова для картины „Плевицкая среди полей“ которую художник готовить къ Академической выставкѣ.

О счастья....

Страничка изъ дневника Н. В. Плевицкой.

Многіе меня называютъ счастливой. Не отрицаю, а потому цѣлую главу моего дневника посвящаю моему счастью.

Началось оно, мое счастье, лѣтъ тому 14, въ одинъ изъ туманныхъ, осеннихъ, дождливыхъ дней въ Кіевѣ. Была я тогда невѣстой моего теперешняго мужа Плевицкаго.

Оба мы были, какъ тогда говорили, „полезные труженики“ маленькой сцены и не только не „пзвѣстные“, но совершенно безызвѣстные артисты. Я хочу этимъ сказать, что мнѣ тогда мое воображеніе рисовало счастье не въ артистической карьерѣ и славѣ, а въ предстоящей счастливой жизни съ любимымъ человѣкомъ. И вотъ, повторяю, въ одинъ изъ туманныхъ, осеннихъ дней, подъ стукъ дождя о стекло моего окна, у котораго я сидѣла, мечтая о своемъ скромномъ счастьи, мнѣ пришло въ голову загадать. А именно: нѣсколько дней подъ рядъ шелъ непрерывный дождь, и при взглядѣ на сѣрое, спустившееся до крышъ домовъ, небо, казалось, что ему не будетъ конца. До моей свадьбы въ это время оставалось 2—3 дня. Вотъ, думаю, если въ день нашего вѣнчанія будетъ ясный, солнечный день, то я буду счастлива, если же будетъ день дождливый, то счастьемъ моему не бывать... Загадала и съ трепетомъ сердечнымъ стала ждать. На слѣдующій день дождь продолжался. Наступилъ канунъ свадьбы, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Я сидѣла у окна моей комнаты и, безъ преувеличенія скажу, горько-горько плакала. Не бывать моему счастью... Ночью я часто просыпалась и тревожно забывалась подъ звуки дождя. Не бывать моему счастью, все опредѣленіе и опредѣленіе подсказывало мнѣ мое воображеніе. Но какова же была моя радость, когда меня разбудилъ солнечный лучъ, настойчиво смотрѣвшій на меня сквозь стекла единственнаго окна моей комнаты. Я, окрыленная надеждами, вскочила съ постели и закружилась по комнатѣ припѣвая: „я буду счастлива, я буду счастлива, я буду счастлива!“

И, проше вѣрять, господи, солнце, въ этотъ знаменательный для меня день, съ утра до вечера свѣтило мнѣ, провожало меня и въ церковь къ вѣнцу и обратно въ домъ мужа.

А на слѣдующее утро снова было осеннее, хмурое небо и не переставая шелъ дождь... Я сидѣла счастливая у окна и смотрѣла,—тянулся мимо свадебный поѣздъ, ѣхали вѣнчаться незнакомые мнѣ люди. Господи! — думала я, — какіе они несчастные.

Съ тѣхъ поръ прошло 14 лѣтъ. Много разъ шелъ дождь и свѣтило солнце, но мое счастье мнѣ не измѣнилось, и съ каждымъ днемъ приносило мнѣ все болѣе и болѣе всяческихъ радостей...

Надежда Плевицкая.

Хролика.

— К. Сомовъ и Н. Грабаръ избраны академиками.

— Окончательно выяснился составъ артистовъ, которые выступятъ 21-го поября въ «Дубровскомъ», идущемъ въ бенефисъ хора. Г-жи: Гукова—Мапа, Степанова—Таня, Синицына—Егоровна (пани), гг. Собиновъ—Владиміръ Дубровскій, Павловскій—Троекуровъ, Пироговъ—князь Веройскій, Петровъ—Андрей Дубровскій и Гарденинъ—Дефоржъ. Опера пойдеть въ постановкѣ г. Василевскаго и подъ дирижерствомъ г. Сукъ.

— Е. В. Гельцеръ получила предложеніе отъ парижскаго импресарио г. Астрюка гастролировать въ театрѣ Елисейскихъ полей въ апрѣлѣ или маѣ. Приглашается Е. В. вмѣстѣ со своимъ кавалеромъ.

— Приѣхалъ изъ Петербурга баритонъ М. Н. Каракашъ, командированный на мѣсяцъ. Артистъ съ вокзала прямо проѣхалъ въ театръ и участвовалъ въ репетиціи «Севильскаго цирюльника». Кромѣ партіи Фигаро въ «Севильскомъ цирюльникѣ», г. Каракашъ выступитъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» и другихъ операхъ.

— Дирекція Императорскихъ театровъ продолжила контрактъ съ г-жей Балановской еще на три года. Артистка будетъ командирована въ январѣ въ Мариинскій театръ для исполненія вагнеровскаго репертуара и партіи Карменъ.

— Здоровье С. В. Федоровой 2-ой настолько поправилось, что она въ непродолжительномъ времени начнетъ принимать участіе въ спектакляхъ балета.

— Послѣ первой генеральной репетиціи «Лекаря по повелѣ», въ постановкѣ Ф. Ф. Коммиссаржевскаго, признано было, что оригинальность и новизна постановки пьесы не отвѣчаютъ характеру ценкинскаго спектакля и нарушаютъ впечатлѣніе, которое онъ долженъ производить.

Свободный театръ.

Режиссеръ А. Я. Таировъ.

Наброс. Мака.